5. Сабитова З.К. Новые лингвистические направления XX-XXI вв. / З.К. Сабитова // Философия. – 2011. – №4. – С. 347-360.
6. Трошина Н.Н. Лингвокультурология и антропоцентрическая парадигма [Электронный ресурс] / Н.Н. Трошина // Языковое бытие человека и этноса. – 2011. – № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologiya-i-antropotsentricheskaya-paradigma> (дата обращения: 1.10.2020).
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / сост. А.П. Евгеньева. — РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1999. — 750 с. : ил.

Моргоева Л.Б.

Семантика слова в культурно-историческом контексте

*СОИГСИ ВНЦ РАН РСО-Алания
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-233

idsp: ljjournal-12-2020-233

Аннотация

В предлагаемой статье рассматривается предметно-логическая связь семантики слова с духовной культурой осетин и ее отражение во временном контексте. На фоне исторического развития этноса и интеграции соседствующих культур отслеживаются процессы семантического наполнения лексических единиц. Результат взаимодействия мифологических и культурных представлений проецируется в языке, что обеспечивает их полную концептуальную сохранность благодаря различным образным сочетаниям и устойчивым выражениям фольклорного происхождения. Вместе с тем, именно этот блок знаков, закрепленных в языке, способствует реконструкции исторических реалий и аккумулирует культурные смыслы. На примере отдельно взятых лексических единиц рассмотрена динамика развития внутренней семантики стилистически не нагруженного слова, которое, благодаря своему логико-предметному содержанию, способно расширять свои коммуникативные возможности внутри контекста.

Ключевые слова: лексика, семантика, осетинский язык, культурный знак, концепт, контекст

Abstract

This article examines the subject-logical connection of the semantics of the word with the spiritual culture of the Ossetians and its reflection in a temporal context. Against the background of the historical development of the ethnos and the integration of neighboring cultures, the processes of semantic filling of lexical units are monitored. The result of the interaction of mythological and cultural representations is projected in the language, which ensures their complete conceptual preservation due to various figurative combinations and stable expressions of folklore origin. At the same time, it is this block of signs fixed in the language that contributes to the reconstruction of historical realities and accumulates cultural meanings. On the example of individual lexical units, the dynamics of the development of the internal semantics of a stylistically unloaded word, which, due to its logical-objective content, is able to expand its communicative capabilities within the context, is considered.

Keywords: vocabulary, semantics, Ossetian language, cultural sign, concept, context

Пояс, как атрибут современной одежды, предназначен для создания образа и красоты. Имущественная дифференциация с ранних времен наложила определенный отпечаток на костюм, который стал первым материальным, а затем и социальным признаком представителя этноса.

Однако в древности пояс имел несколько иное значение и являлся символом силы, власти, готовности к действию. Для хозяина рон / «пояс» служил не только для подвязывания одежды, но использовался в качестве оберега и носился для защиты тела.

Наряду с такими «вспомогательными» предметами как *ладзæг* / «посох», *къухдарæн* / «кольцо» и другие, рассматривается и *рон* / «пояс», наделенный в фольклоре особыми свойствами и функциями в сказочных текстах с мифическими мотивами. Однако сказка и миф — разные жанры с самостоятельными признаками. В мифологии же предметы наделены сакральным значением, способным очищать и освящать. Схожее значение передается и сохраняется в античной литературе: пояс Афродиты, который передает мотивы красоты, любви и желания.

Осетинское *рон* восходит к иранскому **rāna-* 'поясница', 'бедро' и широко представлено в иранских языках со значением «бедро», «набедренный панцирь», «пояс» [1, 420 с.]. В осетинский язык попало вместе с переносным значением через связь «часть тела» → «одежда» («бедро» → «пояс»). Приобретенную в осетинском языке семантику данного слова закрепляют сложения с формантом *рон* = *ронбанст* «пояс», «поясница», «талия» и *ронбагъд* «распоясанный», «без пояса»: *Хæстон лæг ронбагъд нæ уарзы* «Воин не любит распоясанность» (Поговорка); *Мæ ронбанст — уæрдаæх* «Мой пояс — скрученная хворостина» (Коста) [1].

Функциональное значение пояса в скифской и осетинской мифологии, а также в нарттовском эпосе представляет собой особый интерес. Развитие ее смысловой нагрузки берет начало из культуры скифов, жизнь и связанные с ними мифы которых описаны в «Истории» Геродота. [2]. По его описаниям, Геракл, спустившийся на землю в поисках своих коней, повстречал полудеву, полузмею, от которой у него родилось три сына. Уходя, он наказал: «Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе показываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит мои указания, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь мое желание» [2]. С заданием справился только один из сыновей — Скиф. Ему и достались лук и пояс. От этого Скифа произошли все скифские племена. Однако пояс был необычным — на конце застежки пояса была подвешена золотая чаша [2]. Этот мифический мотив о скифском происхождении нашел свое отражение и в сказании Нартов «Дары святых Сослану». Все эти предметы считались символами царствования: подвешенную на поясе чашу всегда с собой носили царские потомки; пояс является божьим даром, символом власти царской династии и знаком их божественного происхождения.

В арийской мифологии, имеющей значимые пересечения с индийской мифологией, пояс имел важное символическое значение, и рассматривался в застегнутом виде как образ солнца или колеса, которые имеют способность крутиться и олицетворяют время и его течение по законам природы. Пояс, как волшебный предмет, использовался в различных ритуалах. Являлся он и посредником в совершении магических действий, наравне с амулетами и божествами, звездами, небесными светилами.

Возможным символом осетинского *фарн* мог являться пояс, поскольку, по иранским преданиям, когда Заратустра возмужал, отец позволил ему выбрать по своему желанию любой предмет из своих сокровищ. Сын попросил пояс отца, который даровал хозяину силу, ум и красноречие.

Этот мотив красной нитью проходит по всему тексту «Шах-Наме», в котором пояс выступал как символ законной царской власти. Пояс и корона (венец) равнозначны, равноправны, имеют равную силу: «золотой венец и пояс властелина» [3]. Правителю передавались державный пояс и золотой венец. По этой традиции, правитель остается таковым до тех пор, пока его пояс на нем. Тот, кто взошел на трон, непременно опоясывается сверкающим, золотым почетным поясом. [4]

В славянской мифологии пояс имел такое же важное значение, связанное с их верованиями и мифами. Надеялся он магической силой, приносил семье изобилие, оберегал от бед, охранял скот. Пояс считался источником жизненной силы, и

встречается во многих сказках. Потеря пояса у славян означало потерю счастья. [5]. По народному поверью, пояс является символом дороги, указывает на путь, преодолевающий мифические или реальные преграды, а в застегнутом виде служит оберегом и охраняет от нечисти и напастей. Особое значение имеет и в свадебной обрядности, символизируя чистоту и непорочность невесты. [6]

Смысловая нагрузка пояса отражена и в Нартовских сказаниях, которые донесли до наших дней, где с большей, где с меньшей степенью ясности, рассматриваемые мотивы, связанные с поясом. Так, Сослан умом одолевает великана Мукару, который перед своей смертью завещает свой спинной мозг: *Зондджын дае, Сослан, фæлае тых хъуаг дае; æз куы амæлон, уæд-иу мын ма æстаумагъз слас æмае-иу дзы дæхицæн рон скæн, æма уæд ма хъару æгасæй дæр дæу уыдзæн* (Нартовские сказания) — «Умный ты, Сослан, но не достаёт тебе силы; когда я умру, вытяни мой спинной мозг и сделай из него себе пояс, и тогда вся моя сила полностью перейдет к тебе».

Нет никакого сомнения в мифической связи спинного мозга с поясом, поскольку понятно его значение для жизни человека. В одном из вариантов находим уточнения, когда великан (*уæйыг*) наказывает Сослану, когда спинной мозг устремится в небо и потом упадет, схватить его и обернуть вокруг себя: *Хъæбæр æстур хæзна æй, æма дин сугъæринæ камари фæстдзæнæй, кæд дин уосæ йес, уæд уомæн*. (Нартовские сказания) — «Чрезвычайно большое это сокровище, и превратится оно в золотой пояс для твоей жены, если она у тебя есть». Суть этого мотива, очевидно, в том, что только соединив концы спинного мозга в виде пояса (кольца), приобретает он невероятную мощь и силу. А до того в нем силы нет и не представляет опасности. Магическую силу он приобретает только если принимает функции пояса.

С этим же мотивом, возможно, связано осетинское *арвардын* «радуга», поэтическим синонимом которого выступает сочетание *Сосланы рон* «пояс Сослана» или *Арвы рон* «Небесный поясом»: *Феддæдуар сты (Сатана æмæ Сослан) æмæ Бибыцы кард адардтой хуры 'рдæм, æмæ кард Бур айнæджы сæр лагъзы комкоммæ арвы ронау тæлм адардта*. — «Вышли за дверь (Сатана и Сослан) и направили нож Бибыца к солнцу, и нож над Желтой скалой радугой (Небесным поясом) проложила дорожку к ларцу» (Нарты кадджытæ). «Представление о радуге в виде пояса основывается на внешнем виде радуги и встречается у многих народов» [7].

В Небесном поясе люди усматривали магическую силу, и существовали связанные с ним поверья осетин. Так, при совершении многих ритуалов посвященных Тутыру, большое символическое значение имел пояс: им повязывали подношения со словами *Бирæгъты дзых дæр афтæ баст уæд...* «Пусть будет также завязана пасть волков...», а во время соблюдения строго поста пастухи не надевали пояса и головного убора. Не надевали поясов и *Дзуары лагъта* (жрецы) и не носили с собой кинжалов — основного элемента одежды, подчеркивающего мужское достоинство. [8].

При обряде принесения клятвы ровесниками, находившимися непосредственно в боевых действиях, вдали от дома, перед походом или набегом, участники клятвы вешали свое оружие на *хъулон лæдзæг* (в другом варианте Нарты *æрдхæраен лæдзæг-хъил* «наротов клятвенный палка-шест»), складывали его под ним в готовом к бою положении. Стоя вокруг *хъулон лæдзæг*, они произносили клятву, в знак которой касались шеста руками, и распускали друг другу пояса [9]. Другим интересным фактом было существовавшее поверье, что девушка, перепрыгнувшая через *Арвы рон*, превращалась в парня [4].

Примитивное функциональное назначение пояса заключается в перетягивании одежды в поясной области. К поясу подвешивали нож и другое вооружение. Из всех деталей одежды, как мужской, так и женской, особое внимание уделялось поясу: на него наносили различные изображения, узоры, украшали и обрамляли золотом, серебром и драгоценными камнями.

По материалам археологических раскопок аланских могильников, пояса, пряжки и поясные наборы имеют большое разнообразие нанесенных рисунков, в которых отражалось мифологическое восприятие самого пояса (*рон*). Большинство из них – шедевры искусства мирового значения.

Пояса, обнаруженные в могильниках Кобанской культуры, в том числе и в с. Тли, а также предметы, найденные в Даргавском некрополе, подробно описаны археологами и историками [10; 11; 9]. На них встречаются изображения сложных мифологических сюжетов, эпических событий, ритуальных действий.

Пояс в понимании средневекового человека – своеобразная часть воинской экипировки, которой придавалось особое значение как символу принадлежности его хозяина к воинскому сословию, т.е. к особой касте, выполняющей определенные функции в обществе.

У каждого кочевника, ставшего воином, помимо пояса, надевавшегося поверх одежды, было еще один или два ремешка, входивших в состав костюма. Количество бляшек на поясе зависело от общественного положения воина: чем знатнее и удачливее он был, тем больше имел бляшек на поясе. Особое значение при этом придавалось конечным длинным бляшкам — «наконечникам», свисавшим с пояса [11].

В экипировке аланского всадника, помимо всего остального, непременным были и пояса: на них привешивались сабли, ножи. Наборные пояса с пряжками и язычками были не только утилитарными предметами, но и маркирующими т.е. указывавшие на место владельца в иерархии аланского общества, т.е. своеобразными знаками различия. Подвешивались к поясам и декоративные ритуально-престижного характера чаши, обычай которого восходит к культуре скифов и археологически подтвержден материалами раскопок [9].

Примечательным фактом является отсутствие пряжки на боевых поясах, погребенных в могилах. Вероятнее всего, это связано с бытовавшим в те времена обрядом «обезвреживания» мертвеца: растегнутый пояс и оружие, висевшее на нем теряли силу и их невозможно было использовать против живых [12].

Внешний вид пояса трансформировался и, возродясь уже в новом времени в виде так называемого кавказского пояса или *авзагджын рон* («пояса с язычками»), он дожил до наших дней, являясь непременным атрибутом так называемого «кавказского костюма». Заметим, что и позднейшие «кавказские» наборные пояса отражают связь с оружием, ибо в серебряных привесках, превратившихся в разнообразные стилизованные безделушки, угадываются жирницы-коробочки, отвертки-приспособления для ремонта уже нового вида оружия — огнестрельного.

В отличие от мужчин, женский пояс *камари рон* для аланок-осетинок не всегда являлся обязательной частью одежды. Девушка начинала носить металлический пояс с начала брачного возраста. Однако он также входил в состав женского костюма и служил главным аксессуаром, который в зависимости от социального положения мог быть из разных материалов и отличаться по форме и деталям украшений [13.]. Особой ценностью обладали серебряные пояса, в которых сохранились мотивы аланской и древней скифо-сарматской культур. Пояса, изготовленные из металла с позолотой и декорированные различными орнаментами и тиснениями, а в некоторых случаях и камнями рубинового оттенка, высоко ценились и передавались по наследству в качестве приданого.

Само название женского пояса *камари* является малоупотребительным и заимствовано из грузинского *Kamari* «пояс», который в свою очередь восходит к персидскому *kamar* с тем же значением. К иранскому *gaṇa* «поясница», «бедро» восходит и современное осетинское *рон* «пояс», и широко представлено в иранских языках [1].

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II, Ленинград: Наука. 1973. 449 с.

2. Геродот. История в девяти книгах. / Перевод и примечания Г.А.Стратановского; Под общ. ред. С.А.Утченко. Ленинград: Наука. 1972. 574 с.
3. Фирдоуси. Шах-наме. М.: Художественная литература (БВЛ), 1972. 62 с.
4. Джикаев Ш.Ф. Древний быт и мировоззрение осетинского народа. Миф. Фольклор. Обычай. Владикавказ, изд-во СОГУ, 2009. 264 с
5. Берегова О. Символы славян. М.: Диля, 2008. 341 с.
6. Пропп В.Я. исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. -191 с.
7. Чурсин Г.Ф. Осетины. / Труды закавказской научной организации. Тбилиси, 1925. – 186 с.
8. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. 105.
9. Туаллагов А.А. Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 462 с.
10. Техов. Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-пресс, 2002. 214 с.
11. Дзадтиаты Р.Г. Царциатские памятники: едыское городище и могильники. Владикавказ: Ир, 2006. 175 с. Ранние аланы. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. 462 с.
12. Плетнева С.А. От кочевий к городам. М. 1967.
13. Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин: Сб. научных трудов / Под ред. Р.С. Бзарова.; СОИГСИ им В.И.Абаева. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. 438 с.

Моргоева Л.Б.

Пути семантического наполнения лексемы и его контекстное отражение

*СОИГСИ ВНЦ РАН РСО-Алания
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-12-2020-234

idsp: ljjournal-12-2020-234

Аннотация

В статье рассматриваются механизмы семантического наполнения лексических единиц осетинского языка. На примере лексемы *пæлæз* / «плащ» анализируются различные факторы, влияющие на семантическую трансформацию языковой единицы. Затрагиваются проблемы лексикографического описания подобных слов, связанные с трудностями их стилистической маркировки в отрыве от контекста. Для выявления путей обогащения семантики слова представлена ретроспектива развития его значения в историческом, литературном, этнографическом и собственно языковом контекстах. Проведенный анализ языкового материала, извлеченного из различных источников, показал способность слова не только расширять свои семантические возможности, но, исходя из контекста, приобретать различные стилистические оттенки без формально-грамматических изменений. На современном этапе развития языка в условиях массовой глобализации и стремительного пополнения пассивного блока осетинской лексики, большинство слов приобретают пограничный статус, и, будучи на стадии перехода в разряд архаизмов, благодаря контексту становятся востребованными в своем прямом значении, и оказываются способными актуализировать приобретенные дополнительные смыслы в качестве экспрессивов.

Ключевые слова: лексика, архаизм, семантика. контекст, осетинский язык

Abstract

The article examines the mechanisms of semantic content of the lexical units of the Ossetian language. On the example of the lexeme *пæлæз* / "cloak", various factors are analyzed that affect the semantic transformation of a linguistic unit. The problems of the lexicographic description of such words are touched upon, connected with the difficulties of their stylistic labeling in isolation from the context. To identify ways of enriching the semantics of a word, a retrospective of the development of its meaning in the historical, literary, ethnographic and linguistic contexts proper is presented. The analysis of linguistic material extracted from various sources showed the ability of a word not only to expand its semantic capabilities, but, based on the context, to acquire different stylistic shades without formal grammatical changes. At the present stage of language development in the context of